

что его книга написана *против критики*».²¹ Толстой оценил тонкость и остроумие ответа и указал на типичную ошибку критиков вообще и тем более «близоруких», разозливших его самоуверенными разборами романа «Анна Каренина»: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения».²² Этот своеобразный эстетический закон и объясняет равнодушие Толстого к статьям великого критика Григорьева, деятельность которого для просвещения читателей он готов признать полезной: «...вот почему такая милая умница, как Григорьев, мало интересен для меня. Правда, что если бы не было совсем критики, то тогда бы Григорьев и вы, понимающие искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, что когда 9/10 всего печатанного есть критика, то для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении; а постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений».

Сказано отчасти косноязычно, но точно: Толстой, так сказать, «отступает», заодно четко формулируя главную задачу литературной критики. И подкупающим образом извиняется перед Страховым, уличая себя в невольной неискренности и авторской слабости: «Когда я перечел свое последнее унылое и смиренное письмо, я понял, что я, в сущности, прошу похвалы, и вы мне прислали ее. И она, ваша похвала — я знаю, искренная, хотя, боюсь, охотницкая — мне очень, очень дорога».²³

Позднее Толстой уточнит свою мысль: «Боюсь и не люблю критик и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе. Не могу однако не думать, что вы говорите мне больше, чем говорите себе, зная, как это мне радостно».²⁴ Начавшая было возникать напряженность снята. Толстой, ценя искренность и высоту эстетических критериев Страхова, по сути, попросил его быть постоянным советчиком и беспристрастным рецензентом (время от времени он возобновлял свои просьбы, и тот охотно и добросовестно исполнял эту работу). Драгоценное обстоятельство как для Толстого, так и для русской литературы. Многие письма Страхова к Толстому — жемчужины русской литературной критики XIX века.

Посылал такого рода литературные письма с критическими разборами произведений и советами Страхов и Достоевскому, но далеко не так регулярно и с годами все реже. Достоевскому мнения опытного и глубокого критика были весьма необходимы. Радовался, получив одобрительные слова о «Вечном муже»: «С жадностью прочел... ваши несколько строк одобрения о моем рассказе. Это мне и лестно и приятно; читателям, как вы, я и всегда желал бы угодить и желаю угодить». Он с плохо скрываемой обидой и ревнивым чувством наблюдал явственно обозначившийся поворот Страхова к Толстому — ожидаемый, но, пожалуй, слишком уж резкий. В письме к Страхову от 26 февраля 1869 года Достоевский оценивает этот уже для всех

²¹ Там же. С. 265.

²² Там же. С. 267.

²³ Там же. С. 268.

²⁴ Там же. С. 331.